

Марк Захаров популярен так, как бывают популярны артисты, а сегодня еще и политики. Он много печатается, часто выступает в дискуссиях. При этом он бесспорный театральный лидер уже многие годы, на спектакли театра "Ленком" рвется вся Москва и заезжие столичные гости. У Марка Анатольевича уставшее лицо человека, который знает больше других и лучше других. Он опытен и мудр, в сложной жизни для него спасательным кругом служит ирония. Она помогает существовать в театре и в политике, в общественной жизни и дома.

— Марк Анатольевич, сейчас множество людей живет с ощущением того, что их время ушло. Бывают ли и в вашей жизни моменты, когда кажется, что вы отстае от времени, не успеваете за ним?

— Думается, что пока меня Бог миловал. В театре аншлаги, у входа спрашивают лишний билетик. Это значит, что несмотря на все бури, которые бушуют сегодня, наши контакты со зрителем сохранились. Это значит, что все изменения общественного вкуса, потребностей зрителей учитываются театром при формировании репертуара. Разумеется, я понимаю всю эфемерность своих ощущений, потому что театр, как всякий творческий организм, — явление не вечное, любой театр имеет свой естественный конец и свои некие кризисные зоны. Я не обольщаюсь на этот счет. Но тем не менее могу и рад констатировать, что "Ленком" — прежнему любим москвичами.

— А каковы ваши ощущения просто человека, а не художественного руководителя театра?

— Есть одна проблема, которая беспокоит меня больше всего и которая как бы уходит за пределы непосредственно театральной жизни, театральной политики. Я считаю ее самой главной в жизни людей, ныне населяющих нашу планету. Эта проблема заключена в недостатке общепланетарного сознания, в непонимании того, что наша планета не справляется с экологическими и космическими изменениями, которым подвержена Земля. Наш мир, наша маленькая голубая планета с треснувшим озоновым слоем требует совершенно нового поведения и нового мышления от сегодняшнего человека. А этот человек, увы, не поумнел с библейских времен. Он остался таким же, каким и был, его психическая и даже интеллектуальная организация мало изменилась. Знаний прибавилось, но не в них дело. Мне кажется, что это большая и страшная угроза человечеству, но она столь необычна и непривычна, что большинство людей не понимают и не видят ее.

— Помимо этой угрозы всему человечеству существует локальная проблема, стоящая только перед нашими соотечественниками. Мы в одночасье лишились той страны, в которой жили. Нелегко осознать себя сразу гражданами демократической России, после того как долгие годы мы были гражданами тоталитарной страны Советов. Как с этим справиться и сумеем ли мы справиться?

— Выйти из тоталитарного неореволюционного общества с советской политической диктатурой и приступить к построению демократического организованного государства и общества — вещь немалой сложности без помощи извне. Германский народ сумел это сделать с помощью союзников, были силовые прикрытия — войска Англии, Америки и Франции. То же самое происходило и в Японии. Нам же никто не помогает. Даже обещанная финансовая помощь идет слишком медленно и неуверенно. Сумеем ли мы совладать со своими инстинктами, преодолеть отрицательные качества нашей российской ментальности, некие косячные традиции, которые нам сейчас мешают в строительстве гражданского демократического общества? Я не знаю. Думаю, что может быть несколько сценариев, в том числе и печальных.

— Поэтому вы в политике?

— Я давно понял: политику нужен специфический талант и предназначение, особые познания и стиль мышления. Поэтому известный врач, музыкант или режиссер всевозможных политикой не могут, хотя бывают, наверное, исключения. Возможно спонтанное участие в политических дискуссиях как гражданина, как человека, занимающегося искусством, как представителя творческой интеллигенции. Это к себе иногда позволяю, о чем часто потом сожалею.

— Но вы член Президентского совета?

— Президентский совет — это особый канал информации, который понадобился в свое время Борису Николаевичу Ельцину. Президентский совет носит неофициальный, общественный характер, он существует помимо штаба президента, составленного из людей, которые обладают служебными полномочиями. В Президентском совете, сформированном в виде дополнительного канала связи, могут быть врачи, музыканты, писатели, могут быть люди, которые не имеют обязательного политического статуса.

— Как вы относитесь к тому, что некоторые члены Президентского совета покинули его?

— Я их не осуждаю, каждый свободен в своих поступках. Но думаю, что все не покинут президента, уверен, что последний и единственным членом Президентского совета я не останусь. Недавно я подписал бумагу, составленную теми, кто остался в Президентском совете. В ней мы высказали свое мнение о том, что считаем неправильными сейчас любые действия, ослабляющие позицию Ельцина. Вы задали сложный вопрос, на который я уже отвечал "Комсомольской правде". Я сказал тогда, что, помимо обязательных изменений во взглядах и симпатиях, человек должен хотя бы иногда проявлять и верность. В любом случае, я буду считать себя членом Президентского совета. Уйдет ли Борис Николаевич на пенсию, понадобится ему мои советы или нет — я останусь в совете президента на том свете или на этом.

— Как вам известно, сейчас собираются подписи против войны в Чечне. Вы бы подписались под таким обращением?

— Должен покаяться, что под одним посланием я уже подписался. Мне по телефону позвонили уважаемые люди и спросили: "Вы против войны в Чечне?" Я, естественно, им ответил, что да, поскольку считаю, что действительно война — самое ужасное и отвратительное на земле. Хотя понимаю, что проблема тут гораздо сложнее, и мои взгляды на ее решение несколько изменились.

Я бы поддержал четкую, хорошо продуманную полицейскую операцию, пусть не такую масштабную, как "Бура в пустыне". Я был уверен, что, несмотря на кризис в армии, у нее и у наших правоохранительных органов достаточно сил, чтобы такую операцию провести. Но не получается. Сейчас надо искать иной путь прекращения войны.

Подоплека чеченской войны вызывает очень серьезные подозрения. Тревогу по этому поводу даже не стало скрывать официальное лицо — Сергей Александрович Филатов, который высказал по телевидению то, о чем многие думают: война кому-то выгодна. Кто-то заинтересован в том, чтобы Дудаев продолжал создавать бандформирования, чтобы они продолжали совершать террористические акты, чтобы лилась кровь и замыслова незримые нефтяные каналы. Это мой домысел, я не могу ничего доказать.

Признаюсь, у меня есть, как бы сказать, некие пережитки великодержавных настроений, мне не безразлична судьба, статус Российского государства. Я считаю, что если государству

такти. "Чайка" не похожа на "Женитьбу Фигаро", "Поминальная молитва" на "Королевские игры" и т.д. Одно из свойств нашего театра, особенность его репертуарной политики — уйти от зрительского прогноза.

— Вы, как и раньше, вслед за Алексеем Диким стараетесь прежде всего удивлять?

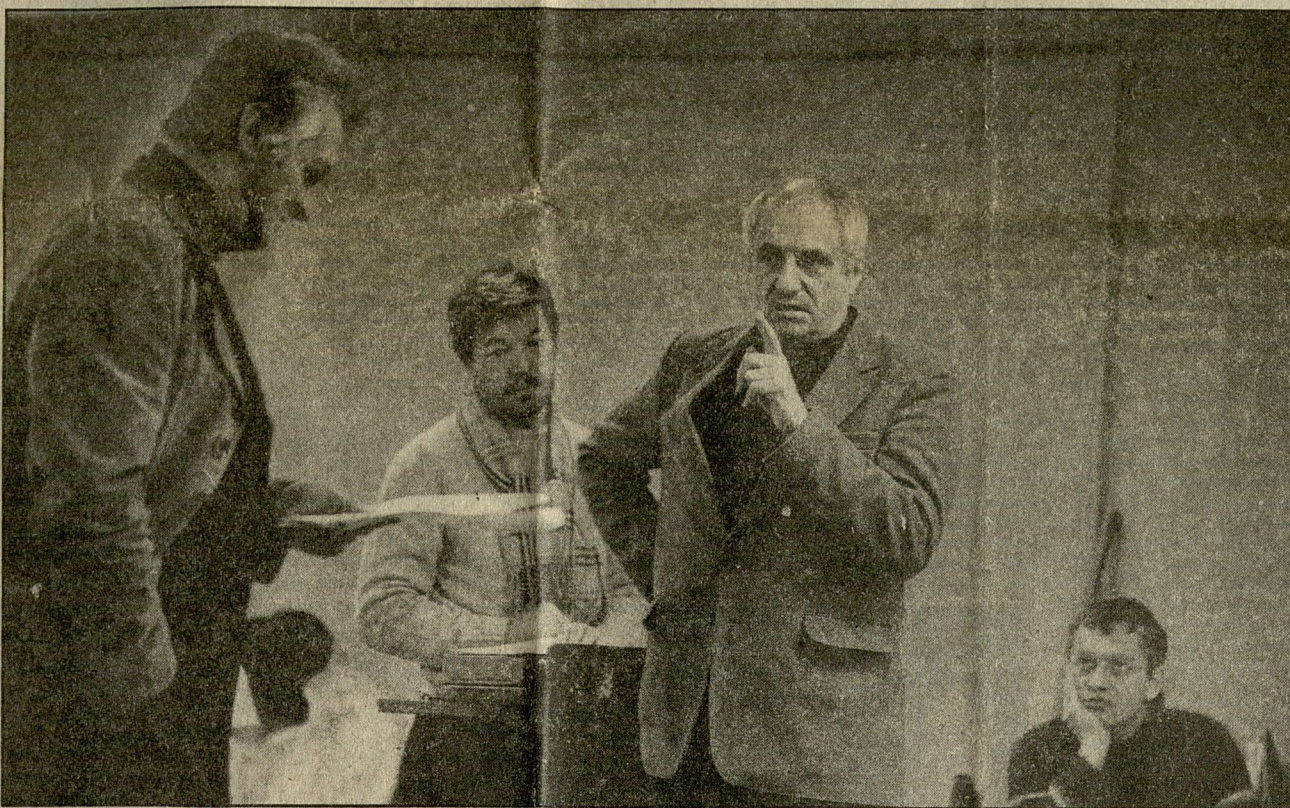
— Да, я люблю повторять фразу Дикого: "Чем будем удивлять?" Зрителем движет клубное настроение, желание оказаться в новой человеческой среде, в новом пространстве, в новом месте. Ему должно быть здесь интересно. Он должен удивиться, а удивиться лучше всего правде, которая выражена в Гоголе, Булгакове, Чехове.

— Чеховы вы Москву действительно удивили. Существующая в вашей "Чайке" ирония была воспринята некоторыми критиками как измена традиции постановок чехов-

обстоятельства и другие проблемы, чтобы решить их, не хватало опыта и ума.

— Вы создали театр "звезд". Это было сделано сознательно?

— Считаю, что главное в театре — это актер и все здесь должно быть ему подчинено. Сложности, с которыми столкнулась Таганка, возникли оттого, что театр делал ставку только на публичность, политическую и социальную направленность. Это неверно, на мой взгляд. Важно уметь раскрывать неповторимые человеческие индивидуальности, сложные человеческие взаимоотношения, а затем их моделировать на сценических подмостках. Я выстраиваю спектакль на артистах, сообразно их психофизическим и биологическим особенностям. Поэтому мне всегда трудно делать два состава, хотя для успешной работы театра нужны дублиры. У меня это редко получается, я слишком связан,

Москва, правда, — 1996 — 17 апр. — с. 16.

МАРК ЗАХАРОВ — ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВЕННЫЙ

брошен вызов, то-на него надо отвечать жесткими акциями и мерами. Когда однажды Аргентина послала неуважительно обойтись с Великобританией, то сразу же получила жестокий отпор. Но мне кажется, что в чеченской войне правит бал криминал.

— Ваш последний спектакль "Королевские игры" про кровавые игры в политике?

— Когда человеческие взаимоотношения падают в жернова государственного милоха, то возникают шекспировские трагические ситуации, которые всегда были и будут интересны для театра. История Генриха Восьмого, ставшая основой спектакля, именно такая история. Я думаю, что политические механизмы обостряют человеческие коллизии, вносят какой-то драматизм, даже трагизм в жизнь человека. В этом смысле можно рассматривать "Ромео и Джульетту" Шекспира как политическую трагедию. Недавно я слышал об интересном замысле постановки "Ромео и Джульетты" в Иерусалиме, где семья Монтеки, допустим, будут играть израильские артисты, а членов семьи Капулетти — арабы.

— Это слишком прямой ход. Вы, как мне кажется, предпочитаете свои спектакли облекать в замаскированную форму. Я прав?

— В период глухого цензурного давления мы все специализировались на работе намеками. Сейчас, когда эта необходимость исчезла, я понял, что зрителям нужно сохранить некую радость узнавания, которая возникает из сопоставления того, что было, и что сейчас. Ведь в принципе человек не меняется, добавляются только новые познания. В человеческом бытии и человеческой психологии, поведении и взаимоотношениях существуют некие общие закономерности, которые наблюдаются и моделируются в своих произведениях классик. Момент совпадения каких-то аспектов, которые сегодня нам напоминают события давно прошедших лет, других эпох, является источником дополнительной театральной радости для зрителей. Таким образом происходит процесс самопознания, зрители занимаются осознанной деятельностью.

— Ваши спектакли всегда красивы и зрелищны. Это что — уступка зрительским желаниям или постоянство своего стиля?

— Трудно сказать, какой стиль ты исповедуешь. Для себя я давно решил, что спектакль должен быть праздником, его притягательность как театрального зрелища должна распространяться широко. Мне важно привлечь в театр не только интеллектуалов и гуманитаров, разбирающихся в театральном процессе, но и зрителей, которые пришли в театр первый раз и не ушли в антракте. Охват воздействия должен быть широким, спектакль должен вызывать интерес у зрителя разного уровня, образования, настроения. Но при этом у нас в театре идут разные спе-

ской драматургии. Что вы по этому поводу думаете?

— Ирония для меня — это часть театральной эстетики. Мы любим смеяться, но юмор хорошего класса у нас дефицит. Я всегда думал над тем, как моделируются комедийные ситуации. Сколько смешного — столько и его градаций. От самого высокого до вульгарно-пошлого. Это сложная область познания.

— И все же Чехов — это ваш автор, и прежде всего иронией, за которой скрывается нежность.

— Чехов принадлежит всем. Он великий реформатор современной драмы. После него не было открытий в драматическом созидании, пожалуй, за исключением Брехта. А еще Чехов глубоко погрузился в российское подполье. Мне удалось смоделировать в своих драматических сочинениях нашу ментальность, наши беды и горести, наши ограничения, широту, духовность и одаренность души. Русский человек отличается от других людей тем, что в нем взлеты, высокие духовные порывы соседствуют рядом с плутовством, неудачами, нескладностью, нелюдностью. Русского человека преследуют неудачи, хотя ему и многое удается. Обо всем этом нам рассказал Чехов.

— И обо всем этом спектакль?

— Я, возможно, что-то дофантазировал. Надеюсь, Чехов на меня бы не обиделся. В нашем спектакле Аркадия, какой-то ее играет Инна Чурикова, в конце понимает, что ее сын незаурядная личность. Я симпатизирую Заречной и Дорну, несмотря на его прагматизм. Они все — незаурядные люди, у них есть взлеты, есть качества, которыми можно любоваться.

— Каждая премьера в театре "Ленком" попадает в центр зрительского внимания и интереса театральной критики. Принято считать, что "Ленком" один из самых благополучных театров в Москве. Это так?

— Абсолютного благополучия в театре быть не может. Театр — это несовершенное изобретение, в нем бродят бациллы, которые иногда дают вспышки эпидемий. В театре всегда присут-

слишком ориентирован на конкретную природу органики своих артистов. Так происходит и в моих спектаклях, и в телефильмах. Рад, что в нашем театре сформировались и получили признание Олег Янковский, Александр Абдулов, Николай Караченцев. Но мы не только растили "звезд", а привлекали и уже известных артистов. В театр пришли работать Евгений Павлович Леонов и Татьяна Ивановна Пельтцер, их утрата невосполнима.

— Вы стали работать в театре имени Ленинского комсомола в период, когда театр находился в достаточно сложном состоянии. Как вам удалось так быстро вывести его к успеху?

— Мне как раз и помогло, что театр не был популярным. Любимый успех, любой спектакль, удачный с точки зрения зрительских достижений, мог изменить ситуацию. Так и случилось. Спектакль "Автограф-21", к которому я сейчас, кроме иронии, ничего не испытываю, за счет яркости, громкости, театральной агрессии имел успех, и к нам пошли зрители. Хотя настоящая популярность у театра появилась после "Тили", когда Николай Караченцев сразу стал знаменитостью. Это было в семьдесят четвертом году, в том же году в театре стала работать Инна Чурикова — известная по фильмам Глеба Памфилова. Вот тогда начались наши настоящие театральные радости.

— Вы долго вынашиваете свои творческие замыслы?

— По-разному. Иногда идея возникает сразу, иногда в результате мучительного поиска. С годами этот процесс становится все сложнее. Сегодня реализация театрального проекта вещь дорогостоящая, поэтому не хочется рисковать большими деньгами, временем. Хотя, естественно, спланировать выпуск обязательного шедевра невозможно. Бывает, что помогает выбрать работу чей-то совет. Так, в свое время ставил "Тили" мне подсказал Анатолий Силин — режиссер массовых зрелищ. Я тогда мучительно искал материал, из которого можно было бы сделать веселый, с умным юмором спектакль, но при этом не легковесный, а затрагивающий болезненные, сложные социальные проблемы. Совершенно случайно, не надеясь на успех, спросил Силина: "Что лучше сейчас ставить?". Силин мне моментально ответил: "Как что, Шарля де Костера". Я тут же побежал к Григорию Горину, он достал пишущую машинку, вставил лист бумаги и напечатал название: "Страсти по Тили". Слово "страсти" подрывало устои нашего общества и цензурный аппарат его сразу опустил, а "Тили" остался. Спектакль вышел и оказался ко времени.

Спектакль "Доходное место", которому я многим обязан, посвятила мне ставил Театра сатиры Линецкая. Я тогда репетировал в Театре сатиры слабую современную пьесу. Валентин Николаевич Плутчик, наблюдая, как я мучаюсь, попросил зайти найти для меня что-нибудь из классики. Мне предложили "Горючее сердце" и "Доходное место" Островского на выбор. В шестьдесят седьмом году Островский для меня ассоциировался с чем-то скучным, хрестоматийным, занудным. И я начал работать, не веря, что может получиться. Хватило двух недель для того, чтобы влюбиться в пьесу, в ее автора. Потом понял, что спектакль получился оттого, что у меня образование плохое и я не знаю, как велик Островский. Правда, Фурцева спектакль вскоре запретила, но это только пошло ему на пользу.

— Но в основном ваши отношения с цензурой всегда были спокойными?

— Нет. Как ни странно, и "Тили" вызвал негодование в высших сферах. На наше несчастье, жена одного из "портретов" — члена политбюро решила повести вника на спектакль и выбрала неудачно наш театр. Ее гнев был вызван элементами некой фламандской раскованности, легкими донжуанскими вольностями. Начальство о негодованиях дамы из верхов меня предупредило и предложило, пока не поздно, принять руководство Московской опереттой. Я понял, что не сумею добровольно бросить людей, которых пригласил в театр, и ставить "Сильву". Поз-

Портрет

тому сказал: "Снимайте". Но, видимо, что-то отлегло изначально, и меня тогда не уловили.

Неприятности возникли и после спектакля "Юнона и Авось". Подпортил нам жизнь один западногерманский журнал, кажется, "Шпигель". В журнале на первой странице в восьмидесять втором году было написано: "В связи с тем, что религия в СССР полностью уничтожена, то единственное религиозное питание для молодежи осуществляет ныне дважды орденоносный театр им. Ленинского комсомола." Я был вызван на бюро МК КПСС в связи с идеологическими ошибками в репертуарной политике и пропаганде рок-музыки.

В жизни было много похожих моментов. В свое время был вообще поставлен вопрос о лишении меня права заниматься режиссурой. Но наша жизнь настолько абсурдна и непредсказуема, что меня спас — никогда не угадаете, кто — сам Суслев. Бура поднялась из-за спектакля "Разгром" Фадеева. Когда спектакль запретили, Степанова позвонила по телефону Суслеву и сказала: "Как странно, что запрещают Фадеева". Суслев пришел на спектакль, конечно же спасти не меня, а Фадеева. Тогда больше всего меня удивило, что он был в галашах, хотя уже никто галош в те времена не носил. Вот это я и больше всего запомнил в главном идеологе страны. После спектакля он встал и захлопал, и моя судьба была решена, а если б не встал и не захлопал, неизвестно, состоялось ли бы сейчас это интервью.

— Но сегодня ваш театр, слава Богу, обласкан властями. Как вы относитесь к тому, что "Ленком" называют личным театром Лужкова?

— Очень хорошо. Но он помогает не только нам, но и "Новой опере" Колосова и еще нескольким театральным коллективам, в том числе Малому театру, для которого недавно построил новый филиал на Орденье. Каждый год в начале сезона он собирает руководителей театров, ведущих артистов. Он многих одаривает своим вниманием. Правда, в одном из интервью Юрий Михайлович признался, что любимым его

театр — это "Ленком". Меня радует, что такой дееспособный, деловой и веселый мэр любит наш театр. Нам это помогает жить.

— А вообще вы зависимый человек?

— К сожалению, да. Как ни стараюсь следовать примеру Пушкина и равнодушно воспринимать и хулу, и добрые слова толпы, у меня не получается. Я расстраиваюсь, если выходит плохая рецензия даже в многотиражке, а если похвалят, то радуюсь. Понимаю, что это глупо и наивно. Единственно, что меня утешает, это то, что я не одинок. Помните, как на встрече Станиславского и Немировича-Данченко в "Славянском базаре", когда решалась судьба Московского Художественного театра, Немирович, расставаясь, обещал Константину Сергеевичу всегда говорить правду. На это Станиславский ему ответил: "Что вы, я же артист, разве можно говорить мне правду?". Действительно, иногда правду не хочется слушать.

— Режиссер — это одинокая профессия?

— Да, как оказалось, штучная. Я несколько лет преподаю в РАТИ и обычно выпускаю не больше пяти-шести человек. Но даже за тех, кто вроде талантливы и работоспособны, не могу поручиться, что они станут известными и будут стабильно работать. Наверное, режиссеру нужно и определенное везение и, как ни странно, очень важно, что находится рядом.

— Вам в этом смысле повезло?

— Мне, наверное, повезло. Живу с женой, как я однажды сказал, неприлично долго. Распознать и ощутить, как много она сделала для меня, сразу трудно. Надо сказать, что она меня редко сейчас хвалит. А когда мне было очень трудно, когда я делал робкие шаги в недрах студийной самостоятельности, она сильно помогала похвалами, вливая в меня бодрость.

— То, что ваша дочь работает в "Ленкоме", доставляет дополнительные сложности?

— Это было трудно до момента, пока она не начала сниматься, и сниматься удачно. Сейчас она приобрела самостоятельный статус, и все этические проблемы ушли на второй план.

— Марк Анатольевич, когда вы последний раз плакали в театре?

— На "Поминальной молитве". Когда в конце звучала православная молитва и Евгений Павлович и Татьяна Ивановна становились на колени — это был акт, выходящий за пределы обычного сценического действия. И еще. Был момент, когда Евгения Павловича Леонова в Германию врачи вернули буквально с того света, ему сделали сложнейшую операцию, жизнь его висела на волоске, врачи не ругались, что он будет жить. Не знаю, может я и имел право это делать, но тогда я собрал труппу и сказал: "Мы много поем в спектакле молитвы, давайте их адресовать Евгению Павловичу". Получился энергетический заряд, который выбил из многих слезы, в том числе и у меня. Хочется верить, что человек может помочь другому даже на расстоянии.

— Вы верующий человек?

— Верю в Бога. Но я не получил религиозного воспитания. В церкви бываю редко. Не умею молиться, хотя мне близка православная литургия, она воздействует на меня. Икона значит очень много в моей жизни.

— А что в вашей жизни главное?

— Театр, конечно театр.